

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В «ДНЕВНИКЕ ПИСАТЕЛЯ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Рассматриваются формирование и особенности бытования литературно-критического дискурса в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского в контексте развития журнальной литературной критики XIX в. Наряду с «Дневником писателя» для анализа привлекаются Записные тетради и письма Достоевского.

Ключевые слова: литературная критика, литературно-критический дискурс, дискурсная роль автора.

«Дневник писателя» Ф. М. Достоевского – уникальное издание, проблема жанрового определения которого волновала не одно поколение критиков и исследователей. Как замечает И. Волгин, «в буквальном смысле слова “Дневник писателя” дневником, разумеется, не был. Этот уникальный по своей литературной природе “эго-документ” лишь имитировал свойства дневникового жанра, оставаясь на деле актом публичного собеседования, тонкой литературной игрой» [2011. С. 8]. Одной из дискурсных ролей автора была роль литературного критика, хотя, всякий раз обращаясь к анализу литературных явлений, Достоевский делал это с оговоркой: «*Но – какой я критик?*» (1980. Т. 21. С. 54); «*Я не могу пуститься здесь в литературную критику и скажу лишь небольшое слово...*» (1983. Т. 25. С. 200); «*Говорю теперь не как литературный критик...*» (1984. Т. 26. С. 137).

Размышления о форме и содержании ежемесячных выпусков «Дневника писателя» занимают важное место в переписке Достоевского, в черновых набросках и в самом «Дневнике писателя». В объявлении о подписке Достоевский сообщал о своем периодическом издании: «*Это будет дневник в буквальном смысле слова, отчет о дейст-*

вительно выжитых в каждый месяц впечатлений, отчет о виденном, слышанном и прочитанном» (1981. Т. 22. С. 136).

Уже в самом названии издания Достоевский подчеркивает свою принадлежность к «писательскому цеху», читатели должны были видеть в авторе «Дневника» писателя, в силу «специальности» имеющего право давать оценку всему происходящему в мире. Более того, посредством своего «Дневника» Достоевский стремился стать духовным наставником, учителем общества и именно как писатель. По Достоевскому, «*действительно выжитым*» может быть не всякое впечатление, а только то, которое нашло живой отклик в душе писателя, было пережито им как нечто личное, его касающееся; только такое впечатление может занять свое место в «*дневнике в буквальном смысле слова*».

Под впечатлением о «*прочитанном в каждый месяц*» Достоевский в первую очередь имел в виду периодическую печать. Автор «Дневника» не ставил своей задачей давать критические отзывы о появившихся произведениях беллетристической литературы, однако литературная критика его, безусловно, интересуется. В марте 1875 г. в письме к поэту П. А. Козлову, собирающемуся издавать литературный альманах, Дос-

товский пишет о значении литературной критики в современной журналистике: *«Будет ли в вашем альманахе Критическая статья (обзор литературы за год)? Этим чрезвычайно выиграло бы издание, особенно при хорошей статье. Всего более нужна теперь в литературе критика и всего более ее ищут и читают»* (1986. Т. 29/II. С. 23).

Сначала автор «Дневника писателя» пытался избегать суждений о *«текущих явлениях русской словесности»*, очевидно, из ложной щепетильности, продиктованной правилами литературного этикета. *«Сам, дескать, литератор-беллетрист, – рассуждает Достоевский, – стало быть, всякое суждение твое о беллетристической литературе, кроме безусловной похвалы, почтется пристрастным: разве говорить лишь о давно прошедших явлениях...»* (1983. Т. 25. С. 51). Однако эта установка Достоевским зачастую не соблюдалась и была оценена им самим как ложная. *«А между тем, в этом добровольном воздержании моем – какая неправда! Я писатель и пишу “Дневник писателя” – да я, может быть, более чем кто-нибудь интересовался за весь этот год тем, что появлялось в литературе: как же скрывать, может быть, самые сильные впечатления?»* – рассуждает Достоевский на страницах «Дневника писателя» за 1877 г. (Там же).

Заявления автора «Дневника писателя» о его некомпетентности как критика не должны приниматься всерьез. Напротив, и современники, и исследователи Достоевского признают за автором «Дневника» критический талант, отмечают глубину постижения «чужих» образов, верность оценок, данных Достоевским отдельным писателям и их произведениям. Свои выступления «по поводу» литературных явлений Достоевский не считает литературной критикой, хотя своим пафосом и идеологической направленностью они созвучны современной критике и могут быть оценены как типологически близкие к так называемой публицистической критике. Конечно, такие типологические дефиниции очень условны и не решают вопроса о специфических особенностях критического дискурса в «Дневнике писателя». Последние обусловлены, прежде всего, творческой индивидуальностью Достоевского-писателя и условиями функцио-

нирования литературной критики внутри жанрово-поэтической системы его «Дневника», представляющего собой сложное жанровое образование, сочетающее различные дискурсивные стратегии автора: литературно-критический дискурс сосуществует в «Дневнике писателя» с публицистическим и художественно-беллетристическим.

Общественная направленность, публицистичность – неотъемлемые черты русской литературной критики XIX в. Как писал Н. К. Михайловский, оценивая состояние литературной критики в 1870-х гг.: *«Всякий литературный критик, к какому бы лагерю он ни принадлежал, по мере сил и разума оценивает художественную сторону произведения. Но вместе с тем, неизбежно становится и публицистом, то есть опять-таки, по мере сил и разума трактует об идеях и явлениях жизни, так или иначе отразившихся в произведениях»* (1900. С. 158). Белинским, а вслед за ним Добролюбовым и Чернышевским был разработан принцип литературно-критического анализа, получивший название – «по поводу». В статьях критиков, руководствующихся этим принципом, литературное произведение становится поводом для широких общественно-политических обобщений и выводов, причем анализ художественных особенностей произведения отступает при этом на второй план. Как отмечает Б. Ф. Егоров, принцип «по поводу», вначале являвшийся приметой революционно-демократической критики, в условиях обострившейся общественно-политической борьбы конца 1860-х – 1870-х гг. стал повсеместно применяться критиками других направлений [Егоров, 1980. С. 227–229].

Достоевский предъявлял высокие требования к содержанию критических статей, о чем свидетельствует, например, черновая запись в тетради 1876 г.: *«У нас критика от руки, по вдохновению. Прочел несколько романов, а, давай я стану писать отделение критики. Вот прочему столько бессодержательности. При огромном таланте можно высказать много чувства (Белинский), но все-таки не быть критиком. Но этюд (ученый), как писатели (Шиллер, Жорж Занд) имели влияние на Россию и насколько, был бы чрезвычайным и серьезным трудом. Но этого нам долго ждать»* (1982.

Т. 24. С. 247). Сближая в своих представлениях критику с литературной наукой, Достоевский не принимал современную критику, погруженную в большей степени в общественные проблемы, нежели в литературные. Тем не менее сам автор «Дневника писателя», заговаривая о литературном произведении, оценивает его, в первую очередь, с точки зрения отражения в нем современной борьбы идей, вписывает критику в контекст комплекса общественно-идеологических проблем, поднимаемых «Дневником писателя».

Среди набросков для будущего «Дневника писателя», относящихся к двум последним месяцам 1875 г. и началу января 1876 г., много записей литературно-критического характера, которые впоследствии или совсем не вошли в «Дневник писателя», или были переосмыслены в контексте общей идеи издания. Не получили развития в «Дневнике писателя» мысли об «отрицательной литературе» и «Красоте», которым в черновиках отведено довольно большое место. Очевидно, над этими вопросами Достоевский много размышлял; запись об «отрицательной литературе» довольно пространная, мысли правильно организованы, излагаются достаточно последовательно в отличие от отрывочных записей-заметок, обычных в записной тетради.

Достоевский размышляет о высоком предназначении литературы – дать обществу представление о совершенной «Красоте», норме человеческого общежития, изобразить «положительный идеал», стремление к которому составляет смысл существования человечества. «У первоначального гениального отрицателя было много высокохудожественного в его произведениях, значит, была Красота, у этих же никакой: да они и не понимают, что только одна Красота вековечна, а отрицание, принимаемое сначала с восторгом, всегда под конец омерзает, – рассуждает Достоевский о литературе “шестидесятников” и их последователей. – У них только злоба и злоба дня, только злоба, желчь, насмешка и остроумие. Но и остроумие тогда только остро и умно, когда исходит из глубокого чувства. У мелких же отрицателей и подражателей чувства нет» (1981. Т. 22. С. 151). Это только небольшая часть отрывка, в котором

Достоевский, развивая свою мысль дальше, рассуждает о пагубном влиянии на общество «отрицательной литературы», не способной дать «идеалы положительной красоты»: «Происходят всякие уродства <...> А общество между тем все еще голое, надевать нечего, желчное, злое, смущенное, каяться не хочет» (Там же. С. 152). В письме к Я. П. Полонскому Достоевский объясняет, почему мысли о литературе, записанные в черновике, не вошли в «Дневник писателя»: «Дневником моим я мало доволен, – пишет автор после выхода первого номера, – хотелось бы в 100 раз больше сказать, хотел очень (и хочу) писать о литературе, и об том именно, о чем никто, с тридцатых еще годов, ничего не писал: О ЧИСТОЙ КРАСОТЕ. Но желал бы не сесть с этими темами и не утопить “Дневник”» (1986. Т. 29/II. С. 74).

Достоевский подходит к отбору литературных тем очень избирательно, стараясь соотносить их с общей идеей своего «Дневника». Направление, в котором пойдет «Дневник», автор определяет и формулирует с самого начала, в февральском номере «Дневника писателя» за 1876 г. Как на самый главный он указывает на вопрос о народе: «Вопрос о народе и о взгляде на него, о понимании его теперь у нас самый важный вопрос, в котором заключается все наше будущее, даже, так сказать, самый практический вопрос наш теперь» (1981. Т. 22. С. 44). Непосредственно с темой народа связано и обращение Достоевского на страницах «Дневника писателя» к литературе, в которой он находит верно угаданный взгляд на проблему народа. «Не дивитесь, что я заговорил вдруг о русской литературе. Но за литературой нашей именно та заслуга, что она, почти целиком, в лучших представителях своих и прежде всего нашей интеллигенции, заметьте себе это, преклоняется перед правдой народной, признала идеалы народные за действительно прекрасные. Впрочем, она принуждена была взять их себе в образец отчасти даже невольно. Право, тут, кажется, действовало скорее художественное чутье, чем добрая воля» (Там же).

В главе второй февральского «Дневника» «О любви к народу. Необходимый контракт с народом», которую сам Достоевский на-

зывает «трактатом о народе», автор обращается к русской литературе: «*Но обращусь лучше к нашей литературе: все, что есть в ней истинно прекрасного, то все взято из народа, начиная со смиренного, истинно прекрасного типа Белкина, созданного Пушкиным*» (1981. Т. 22. С. 43). Достоевский собирался развить мысль о народности русской литературы, высказанную в «трактате о народе». В черновых набросках к мартовскому и апрельскому номерам автор вновь возвращается к своей мысли: «*Лаврецкий есть фигура русская. Пьер там и хороши, где черты русские, князь Болконский тоже*» (1982. Т. 24. С. 183).

С утверждением народных идеалов, «правды народной» связывает Достоевский положительную программу своего «Дневника писателя». В черновых записях автор критикует «бесподкладочную», по его мнению, русскую сатиру, не имеющую идеала и не предлагающую своего положительного решения «проклятых» вопросов современности. «*Сатира наша, например, она и не молчит, а пишет и прекрасно пишет, но – как будто она сама не знает, что вам ответит*», – записывает Достоевский в черновике (Там же. С. 311). В подготовительных материалах к декабрьскому выпуску «Дневника писателя» за 1876 г. автор связывает мысли о русской сатире с разъяснением позиции своего единоличного журнала: «*У нас сатира боится дать положительное. Островский хотел было. Гоголь ужасен. Но Грибоедов дал. <...> Вот эту положительную сторону русской самостоятельности мы и хотели выразить нашим изданием*» (Там же. С. 304).

Записи к «Программе декабрьского дневника», составленной 23 декабря, свидетельствуют о желании автора заняться в «Дневнике» проблемами русской сатиры, а именно вопросом воплощения в ней положительного идеала. Вторым пунктом «Программы» Достоевский записывает: «*Сатира: Чацкий, Ревизор, Алеко – Щедрин*» (Там же. С. 308). Современная сатира в лице Салтыкова-Щедрина противопоставлена у Достоевского произведениям Грибоедова, Гоголя, Пушкина. Причем понятие «сатира» трактуется Достоевским расширенно: «*Алеко. Разумеется это не сатира, а трагедия. Но разве в сатире не должно быть траге-*

ди? Напротив, в подкладке сатиры всегда должна быть трагедия. Трагедия и сатира – две сестры и идут рядом, и имя им обeim вместе взятым: правда» (Там же. С. 305).

Достоевский пытается осмыслить всю предшествующую литературу с точки зрения воплощения в ней положительного идеала и приходит к выводу, что история русской литературы – это процесс бесконечных поисков положительного, а попытки «отрицания», если они не имели «в подкладке» положительного идеала, были обречены на неуспех. «*Я хочу кончить о литературе. Скорее положительные пробы, чем сатира. «Дворянское гнездо» – пробы далеко не указанные, но много принесли. Наша литература дала больше положительных типов, чем отрицательных, ибо сатира не имеет подкладки*» (Там же. С. 306). Таким образом, Достоевский определяет специфику русской литературы, которую он видит в приближении ее поисков положительного к народной точке зрения; именно в этом автор «Дневника» видит заслугу таких русских писателей, как И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, И. А. Гончаров.

К началу издания «Дневника» за 1877 г. Достоевский подходит с замыслом: показать «положительную сторону русской самостоятельности», и в числе фактов, на которые предполагает опираться автор, указывается русская литература. В 1877 г., когда Достоевский снимает с себя им же самим наложенный «запрет» на литературную тему, на страницах «Дневника писателя» обсуждаются важные литературно-критические проблемы.

Интересны поиски Достоевским формы воплощения литературно-критических взглядов, так как они в определенной степени отражают процессы, происходившие в 1870-е гг. в русской критике. В это время в журналах активно обсуждался вопрос о функциях, критериях и формах литературной критики. Например, на страницах журнала «Дело» критик-народник П. Ткачев писал: «*В нашей критике совершенно не выяснены и точно не определены те общие, более или менее обязательные критерии, которыми следует руководствоваться при оценке того или другого беллетристического произведения*» (1873. С. 6). В «Оте-

чественных записках» А. Скабичевский, рассуждая об особенностях современной критики, называет критику Добролюбова и его последователей *общественной и тенденциозной* и заявляет, что в современных условиях «*общественной критике*» придется «*уступить место иной критике – именно историко-физиологической*» (1873. С. 4). Сам А. Скабичевский выступил с образцом критики, которую он называет «*исторической*», в цикле статей «Драма в Европе и у нас» («Отечественные записки». 1873. № 1, 3, 5). В первой статье автор объясняет свой метод и заявляет, что «*эстетическая и тенденциозная критика суть именно не что иное, как заготовка для исторической критики; последняя же и есть истинная высшая критика, стремящаяся постигнуть законы развития творчества, начиная с первого зарождения его в жизни дикаря и кончая произведениями Шекспира и Гете*» (Скабичевский, 1873. С. 7).

Главное требование, которое предъявляет Достоевский к литературной критике – научность. Вспомним черновую запись автора «Дневника», оканчивающуюся словами: «*Но этюд (ученый), как писатели (Шиллер, Жорж Санд) имели влияние на Россию и насколько, был бы чрезвычайным и серьезным трудом*» (1982. Т. 24. С. 247). Перед литературной наукой он ставит задачу осмысления истории развития русской и зарубежной литературы и их взаимовлияний. То, что Достоевский не отделяет литературную критику от литературной науки, характеризует не только его взгляды, но и состояние современной ему литературной критики и литературной науки, которые, развиваясь параллельно, решали одни и те же задачи, в качестве историков и теоретиков литературы зачастую выступали критики. Л. Гинзбург замечает по этому поводу: «...вообще же отчетливое разграничение критики и истории литературы – явление не столь уж давнее. 19-й век этой “специализации” еще не знал» [1977. С. 44].

Одна из записей Достоевского в тетради 1877 г. дает основание считать, что Достоевский различал два вида критических статей. В программе ежемесячного не осуществленного им издания на 1878 г. Достоевский планировал открыть среди прочих и такие отделы: «...5) *Критическая статья (хотя*

бы о Грибоедове, то есть не все о текущем). б) *Малая критика, указания на заметнейшие вышедшие (текущие книги) и проч. ...*» (1984. Т. 26. С. 175). Критическая статья о Грибоедове была задумана Достоевским в конце 1876 г., в следующем году автор планировал осуществить свой замысел. «*Я хочу ввести критику, разберу “Горе от ума”*», – записывает Достоевский в качестве плана на 1877 г. (1982. Т. 24. С. 307). Однако этот замысел, переместившийся, как мы видели, в планы на 1878 г., так и не был осуществлен. Образец «*большой критики*» Достоевский дал в своей речи о Пушкине в 1880 г. Но и в других литературных заметках, попавших на страницы «Дневника писателя» или оставшихся в черновиках, размышления Достоевского о литературных явлениях проецируются на развитие русской литературы в исторической перспективе прошлого и будущего.

Достоевский постоянно думал о возможности ввести в свой «Дневник» литературную критику. Об этом свидетельствуют записи в черновиках, где автор достаточно определенно говорит о своем желании открыть в «Дневнике» «*критический отдел*»: «*В нашем обществе мало поэзии, мало пиэци духовной. Кстати, мне хочется сказать несколько слов о наших поэтах и открыть отдел...*» (Там же. С. 172). Однако «*критический отдел*» в «Дневнике писателя» Достоевский так и не открыл, а размышления о литературе продолжали органично входить в круг общественно-политических и эстетических проблем, что соответствовало взгляду Достоевского на литературу как на необходимую составную часть духовной жизни общества.

Список литературы

Волгин И. Воссозданный Достоевский: текст как текст // Тарасова Н. А. «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского (1876–1877): критика текста: Моногр. М.: Квадрига; МБА, 2011. С. 3–17.

Гинзбург Л. О старом и новом: Статьи и очерки. Л.: Сов. писатель, 1982. 423 с.

Егоров Б. Ф. О мастерстве литературной критики. Жанры. Композиция. Стиль. Л.: Сов. писатель, 1980. 318 с.

Список источников

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., СПб.: Наука, 1972–1990.

Михайловский Н. К. Литературные воспоминания и современная смута. СПб.: Русское богатство, 1900. Т. 1. 504 с.

Скабичевский А. Драма в Европе и у нас // Отечественные записки. 1873. № 1. С. 1–15.

Скабичевский А. Сентиментальное пре-краснодушие в мундире реализма // Отечественные записки. 1873. № 8. С. 1–25.

Ткачев П. Тенденциозный роман // Дело. 1873. № 2. С. 1–39. Подпись: П. Т. (Постный).

Материал поступил в редколлегию 17.12.2012

V. I. Gabdullina

**LITERARY-CRITICAL DISCOURSE
IN THE «A WRITER'S DIARY» OF F. M. DOSTOEVSKY**

The article considers the formation and special features of literary-critical discourse in «A Writer's Diary» by F. M. Dostoevskiy in the context of literary criticism development in XIX century. Along with «A Writer's Diary» sketch-books and letters of Dostoevskiy are analyzed.

Keywords: literary criticism, literary-critical discourse, author's discourse role.